

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИАПРАКТИК В УСЛОВИЯХ КОРОНОВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ

Л.А. Романова, Р.М. Зайналабдиев

Предлагаемое исследование затрагивает проблему комплексного описания функциональных свойств воздействующих механизмов регионального массмедийного дискурса на формирование репутационной составляющей образа институциональной стабильности в регионе. Описывается репутационная составляющая как непреложный элемент воздействующего механизма массмедийного дискурса, формирующего базовые основы понятийного феномена «институциональная стабильность».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс массмедиа, коммуникация, коммуникативная практика, репутационная составляющая, чрезвычайные обстоятельства

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии. romanov_tgsha@mail.ru

ЗАЙНАЛАБДИЕВ Рахман Магамедович – соискатель Тверской государственной сельскохозяйственной академии. mirlic@rambler.ru

Цитирование: Романова Л.А., Зайналабдиев Р.М. Информационное пространство региональных медиапрактик в условиях короновиральной пандемии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 2. – С. 149–163. Режим доступа: www.tverlingua.ru

REGIONAL INFORMATION SPACE OF MEDIA PRACTICE IN THE CORONOVIRAL PANDEMIC

Larisa A. Romanova, Rahman M. Zajnalabdiev

The article is devoted to the touches upon the problem of a comprehensive description of the functional properties of the influencing mechanisms of regional mass media discourse on the formation of the reputation component of the image

of institutional stability in the region. The reputational component is described as an immutable element of the influencing mechanism of mass media discourse, which forms the basic foundations of the conceptual phenomenon “institutional stability”.

KEY WORDS: mass media discourse, communication, communicative practice, reputation component, extraordinary circumstances

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, professor, professor of the theory of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

ZAJNALABDIEV Rahman M. – doctoral student of Tver State Agricultural Academy. mirlic@rambler.ru

Citation: Romanova L.A., Zajnalabdiev R.M. Regional information space of media practice in the coronaviral pandemic [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 2. – P. 149–163. Access mode: www.tverlingua.ru

Междисциплинарный характер коммуникативных проявлений в виде коммуникативных практик привлекает внимание исследователей различных областей знания. В этом плане особое значение приобретают исследования коммуникативных – в широком понимании этого термина – практик, посвященные анализу проблемных ситуаций, связанных с чрезвычайными обстоятельствами природного характера. Примером такой ситуации может служить ситуация введения чрезвычайного положения, обусловленного распространением явления под названием «COVID-19 (Вежбицкая, 2020; Тарасов, Тарасов, 2020). Острота проблем, связанных с возникшей пандемией, побуждает задействовать в обществе «широкий спектр противоэпидемических мер» (Тарасов, Тарасов, 2020: 238), призванных мобилизовать различные ресурсы общества, в том числе и массмедийные.

Анализ массмедийного ресурса в виде многообразных коммуникативных практик СМИ (печатные – радио, телевидение, листовки,

плакаты и электронно-сетевые – интернет, блоги, мессенджеры и т.п.) позволяет информировать массового адресата о состоянии дел в регионе на “фронтах” противостояния природному катаклизму и тем самым диагностировать в определенной мере эффективность работы структур общества на всех его уровнях. В этих условиях особая роль в медиасфере отводится выявлению настроений в обществе, обращая пристальное внимание на настроение граждан в обществе с тем, чтобы выяснить, отражаются ли и, если «да», то как, насколько и в какой форме задействованные в обществе меры по противоэпидемическому противостоянию отражаются на характер и специфику поведения людей в обществе, на их взаимодействие на межличностном и профессиональном уровнях. Не в меньшей степени массмедийный ресурс заинтересован и в получении информации о том, *как* влияет на членов общества общий фон знаний о феномене «пандемия» и конкретно о явлении «пандемия а также *как* влияют эти знания на формы коммуникации тех, кто пережил кризис. Кроме того, важно установить, в частности, есть ли в медиапространстве перечень тем, связанный с чрезвычайными обстоятельствами короновирусной «пандемией COVID-19», о которых умалчивается в медиапространстве и о чем говорят и пишут в инфосфере массмедиа больше всего и чаще всего?

В свете поставленных вопросов представляется логичным попытаться определить на данном этапе исследования феномен «коммуникативная практика», её специфику, разновидности и медийные возможности. Понятно, что изучение коммуникативных практик региональных СМИ может послужить основой для дальнейших исследований, в частности, особенностей коммуникативного поведения, обусловленных ситуацией волнового кризиса, вызванного короновирусом «COVID-19». Представляется, что знание таких особенностей может оказаться полезным при выстраивании «согласованной коммуникации» (Романов, 1988; Романов, Романова, 2020) в различных направлениях, как то: «власть – общество»,

«работодатель – рабочий», а также между различными социальными и возрастными группами в обществе. Проведенный анализ современной научной литературы показал, что феномен коммуникативных практик региональных СМИ в кризисный период, связанный вирусной пандемией, ещё ждет своего тщательного исследования. Тем не менее, выясняется, что коммуникативные практик суть наиболее часто используемые в коммуникативном обмене заготовленные схемы которые выстраиваются определенным образом и предстают в виде узнаваемых паттернов (своего рода, шаблонов). Такие шаблоны, по мнению Р. Филера, являются «основной формой коммуникации», в которых не только накапливается опыт приемов коммуникации, уместных для достижения той или иной цели, но и собирается человеческий опыт в целом. При этом, с возникновением новых потребностей возникают новые коммуникативные практики (Fiehler, 2004).

Появление на авансцене нового феномена, именуемого «коммуникативными практиками», отмечено на рубеже второй половины XX века, когда началось стремительное развитие СМИ, повлекшее за собой порождение (генерацию) новых форм массовой коммуникации. В этом контексте появились новые виды и разновидности коммуникативных практик, таких как телерепортаж, телеинтервью, ток-шоу, интернет-блоги и т.п. В последние годы, примерно лет 25-30, проявился особый интерес к изучению процессов коммуникации через СМИ, что подтверждает наблюдение Т.Г. Добросклонской, утверждающей, что «медиа тексты являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка» в обществе. Пожалуй, заключает исследователь, ничто не делает коммуникацию столь доступной для исследователя, как СМИ (Добросклонская, 2005: 7). В этом плане активный интерес вызывает у исследователей СМИ понятие «коммуникативная практика», которое можно определить как комплексную интегративно-композиционную коммуникативную единицу в виде конструктивного коммуниката (коммуникативного конструкта), в котором одновременно демонстрируется и проявляется

способ трансляции процесса реализации через определенный канал не только вербальной (дискурсивной, речевой) информации, но также передаётся комплекс «условий интегративного взаимодействия», определяющий и порождающий определенный (фреймовый) тип конкретной ситуации со всеми её сценарными особенностями, тонкостями, расхождениями, отклонениями и рассогласованиями (Романов, 1988; 2020). Здесь вновь уместно подчеркнуть, что кризисная ситуация в регионе, складывающаяся в условиях вирусной пандемии, представляет значительный интерес для исследования. Обычно изучение кризисной ситуации осуществляется, как правило, на фоне складывающейся под давлением объективных обстоятельств распространения вируса и ограничивается, чаще всего, изучением естественных обстоятельств в экономической сфере региона или констатацией экологических показателей жизнедеятельности людей в нем. А между тем, изучение коммуникативных практик, процессов и потоков в проблемных ситуациях, связанных с чрезвычайными обстоятельствами региона, может не только помочь понять суть медицинского аспекта самой проблемы кризиса, но и проникнуть в психосферу общества, так как практически любой член общества отражает в коммуникативном взаимодействии свое видение вещей и в соответствии с этим выстраивает свою «картину мира» (Романов, Черепанова, 1999; Романов, Немец, 2006).

Однако, сегодня нужно иметь в виду, что несмотря на активное внедрение в медиасфере, например, в журналистике и медиалингвистике, термина «коммуникативные практики» следует, тем не менее, отметить, что термины «практика» и «практики» употреблялись гораздо раньше в социологии, чем в журналистике. Так, в частности, термин «социальные практики» был использован в работах Пьера Бурдьё. Тем не менее, заметим и подчеркнём, что, например, в современном словаре-справочнике «Медиалингвистика в терминах и понятиях», изданном в 2018 году, термин «коммуникативная практика» versus «коммуникативные практики» не

отмечен (Медиалингвистика в терминах и понятиях..., 2018). Однако важно понимать, что термин «коммуникативная практика» в инфосфере вообще и в медиалингвистике и журналистике, в частности, имеет определенную – гиперонимическую – социосемантическую базу (фон). Как известно, в социологии исходят из того, что вся наша жизнь строится из социальных практик, а социальные практики – это устоявшиеся в некотором социуме правила, которые постоянно воспроизводятся представителями данного общества. Нередко, разделяют социальные практики на две главные составляющие: «габитус» и «тезаурус». Первая составляющая – «габитус» была выделена еще французским исследователем П. Бурдьё, который и ввел термин «социальные практики». Под *габитусом* он понимал опыт, накопленный обществом, который определяет стратегию поведения в конкретной ситуации. Габитус – это «система порождающих схем» (Романов, 2008: 44). Иначе говоря, *габитус* – это то, что одномоментно (одновременно) порождает не только социальных, но и коммуникативные практики» в виде совокупности (совместной интенциональности или нацеленных предрасположенностей) к действию /-ям определенным образом (Романов, 2004: 15-30; Романов, 2008: 44-45). Другая составляющая – *тезаурус* – была выделена социологами П. Бергером и Т. Лукманом. Суть этой составляющей заключается в следующем: реальность создается самим обществом. Это означает, что процесс восприятия и отображения окружающего социального мира имеет типичную рекуррентно - деятельностьную (повторяющуюся в виде действий) основу-образец, типовой вариант.

Предложенная дихотомия «габитус – тезаурус» делает более прозрачной терминологическую близость понятий «коммуникативных практик-действий» и «социальных практик-действий», с той лишь разницей, что понятие «коммуникативные практики» вытекают из «социальных практик» и обладают более узким объёмом содержания, чем понятие «социальные практики». Можно даже сказать, что «коммуникативная

практика» есть суб- или подкатегория социальной практики, охватывающей все образцы социального проявления и поведения людей в социуме. Другими словами, «коммуникативная практика» есть более узкое понятие, охватывающее своим объёмом как типовые вербальные – авербальные действия-образцы (паттерны), так и соответствующие им образцы поведения из своего личного социального опыта. Подобно тому, как наша общественная жизнь состоит из множества (набора) социальных практик-действий, вся наша коммуникативная деятельность строится из коммуникативных практик. Из этого следует, что коммуникативные практики суть определенным образом сформировавшиеся образцы коммуникативной деятельности, при помощи которых в обществе реализуются коммуникативные намерения и цели. Каждое общество обладает своим набором коммуникативных практик. Р. Филер, Б. Барден и др. приводят в качестве примера коммуникативных практик «судебное разбирательство», «сплетни», «передачу новостей». Тот факт, что для вышеперечисленных явлений существуют общепринятые в социуме названия, свидетельствует о том, что коммуникативные практики – это единицы не аналитические, а самостоятельные (Fiehler, 2004: 99-100). Точно так же, как и к социальным практикам, применимы и к коммуникативным практикам уже упомянутые понятия «габитус» и «тезаурус». Поэтому в коммуникативных практиках габитус есть накопленный коммуникативный опыт, а тезаурус можно приравнять к языковой картине мира. Как заметил В.В. Зотов, в коммуникативных практиках отражена «система знаний, норм, ценностей и образцов поведения, принятых в конкретной коммуникативной среде» (Зотов, Лысенко, 2020: 4).

Опираясь на дихотомическое (разнонаправленное) единство составляющих габитуса и тезауруса в структуре (составе) медийных коммуникативных практик, логично высказать гипотезу о том, что региональные коммуникативные практики, информирующие (отражающие, описывающие) реальное положение дел в пандемийный период, несут

отпечаток переживаемого и пережитого опыта бытия (жизни и борьбы за жизнь) членов общества в кризисной период, так как кризисная ситуация должна была сказаться на габитусе, т.е. отложиться в общественном сознании в качестве пережитого (приобретенного) опыта и соответственно закрепиться при помощи тезауруса, переносящего пережитый опыт на новые объекты или условия жизнедеятельности. Выдвинутую гипотезу ещё предстоит проверить в ходе дальнейших изысканий и верифицировать анкетными опросами.

Описывая роль социальной составляющей терминологического понятия «коммуникативная / коммуникативные практика / практики», нельзя обойти вниманием идею австрийского философа Людвиг Вигенштейна о «языковых играх», суть которой сводится к объединению языка с действием (Витгенштейн, 2020), т.е. рассматривать коммуникативную практику как единый (композиционный, неразрывный) комплекс (ср. выше с понятием «коммуникат»). Примечательно, что термин «языковая игра» австрийский философ предлагает использовать для соединения языка с действиями с целью акцентировать внимание на языковой деятельности как форме жизни. Примеры, которые ученый приводит, в частности – «*острить*», «*информировать о событии*», «*просить*», «*благодарить*», вполне подходят под определение языковых практик или, по крайней мере, языковых действий. Правда, при этом важно учесть следующую особенность: *хотя* термины «коммуникативные практики» и «коммуникативное действие» очень близки друг к другу, в том числе и по внутренней форме слова, *тем не менее*, между ними существует одно довольно существенное расхождение. Это расхождение сводится к тому, что в отличие от понятия «коммуникативное действие» понятие «коммуникативная / -ые практика / -и» направлено не только на понимание, но и на осуществление какой-либо цели. Именно параметр целенаправленности действия является важным отличительным признаком, который отличает одно понятие от другого, т.е. отличает коммуникативные практики от коммуникативного действия в

языковых играх. Напомним, что терминологически понятие «коммуникативное действие» получило своё обоснование в трудах немецкого исследователя Юргена Хабермаса, который в противоположность понятию «коммуникативные практики» предложил понятие «коммуникативное действие», характеризуя последнее признаком «направленности на понимание», а не на осуществлении какой-либо цели. Если коммуникативное действие и направлено на побуждение адресата к действию, то он должен иметь возможность критической оценки этого требования (Habermas, 1981: 410). Иными словами, если адресант может и должен эксплицитно выразить свое желание воздействовать на адресата, то последний, получив послание в виде коммуникативного действия, должен иметь возможность его получить, оценить и критически (рационально) оценить, понять и соответствующим образом эксплицитировать своё решение, т.е. отреагировать.

Коммуникативное действие направлено в первоочередном порядке на успешность коммуникации, что и является его главной целью. Действие же, которое имеет целью привести в исполнение какое-либо намерение, согласно М. Веберу, называется стратегическим. Причем в стратегическом действии акцент делается на следовании определенным правилам, которые выбираются таким образом, чтобы наиболее эффективно оказать воздействие на решение адресата (Habermas, 1981: 384-385). Становится понятным, что в контексте коммуникативного процесса это и есть не что иное, как «коммуникативные практики», призванные объединять отдельные (разрозненные) коммуникативные действия в одно целое – медийный коммуникативный конструкт или комплексный (композиционный) коммуникат. Следовательно, «коммуникативные практики» суть композиционные (комплексные) единицы более крупного плана, чем «коммуникативное действие» (Fiehler, 2004: 100). Они суть способы вербально-авербальной интеракции между индивидами в процессе их жизнедеятельности, направленные на прием и передачу важной для социума и её членов

информации. В этом интерактивном процессе немаловажная роль отводится лингвистическому фактору, представляющего «индивида как пользователя языковых (вербальных) выражений или естественно-языковых практик в виде совокупности действий, а не простой совокупности их значений», что «побуждает исследователей пристальнее обратить своё внимание не только на содержательно-формальные (грамматические) характеристики самих вербальных действий или поступков, но и на формы социального поведения» коммуницирующих индивидов в типовых разновидностях «сценариев жизни», по Л. Витгенштейну, т.е. к определенному ряду действий, ожидаемых участниками названных сценариев от своих соучастников (собеседников), которые демонстрируют, выражают своё отношение к происходящему в ответных формах своего коммуникативного поведения, так как их обозначение (именование в виде ответного акта) уже включает в себя элементы значения направленности действий на другого (или на других, например, на массового адресата). В этих ответных или реактивных акта осуществляется одновременно отсылка к условиям и институциональным правилам интерактивного взаимодействия, которые структурируют названные сценарии как некоторое региональное социальное целое или «коммуникативное ядро» регионального социума. Тем самым в продуцировании таких практик задается способ организации говорящим субъектом (отправителем-каузатором) своего понимания порождаемой ситуации и способ фиксирования (обозначения) границ или «пределов» их функционирования в социальном целом («коммуникативном ядре») региона. Другими словами, каузатор медийных коммуникативно-дискурсивных практик очерчивает *пределы институционального объема* социальных значений таких практик-действий как социально значимых для их статус-кво в момент коммуникативного и посткоммуникативного влияния этих значений. Это означает, что в реализуемое каждым индивидом в данных условиях речевое действие в виде собственного или коллективного «Я-конструкта» уже интенционально наделено (или наделяется) либо заложено

(или закладывается) социально общезначимое содержание, которое при помощи медиа-скреп включается в систему воздействующих институциональных факторов акта продуцирования – говорения, показа, пересказа, передачи / трансляции (Романов, Романова, 2011: 67-68; Романов, 2020).

Итак, стремительное развитие коммуникативных технологий порождает многообразие в использовании появляющихся терминов, что обуславливает необходимость уточнять, переосмысливать и вносить уточнения во многие определения и толкования. Это касается и таких понятий как «коммуникативная практика», «коммуникативное действие», «языковое / речевое действие», «коммуникативная / дискурсивная практика», которые нередко трактуются через значения друг друга, внося некоторый разнобой в их понимание, трактовку и синонимическую близость. Принимается во внимание, что в настоящее время данные понятия широко и активно используются в теоретической и практической журналистике, медиалингвистике, прагмалингвистике, прагмасемиотике и прагматической или успешной (результатирующей) коммуникации. Зафиксировано, что в практической деятельности журналиста на сегодняшний момент не выявлено точного и полного определения, которое затрагивало бы и раскрывало бы все аспекты и стороны этого явления. Но для реализации высказанной гипотезы целесообразно принять рабочее определение коммуникативной практики как устоявшегося образца (шаблоны, типа) коммуникативного поведения, объединяющего отдельные коммуникативные действия вокруг некой доминантной цели и отражающего способ интеракции между людьми в процессе их активной жизнедеятельности, направленного на прием и передачу важной для «коммуникативного ядра» регионального социума информации.

Ссылки – References in Russian

Вежбицкая, 2020 – *Вежбицкая А.* Семь важных мыслей во время коронавирусной пандемии // *Russian Journal of Linguistics*. – 2020, № 2 (Т. 24). – С.253–258.

Витгенштейн, 2020 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования. – Кембридж, 1945. – [Электрон. ресурс]. – Электрон. данные – 2013. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/witt/phil.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., дата обращения: 20.12.2020.

Добросклонская, 2005 – *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

Зотов, Лысенко, 2020 – *Зотов В.В., Лысенко В.А.* Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества [Электронный ресурс]. – Электрон. данные – 2013. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2010/sociology/zotov-lysenko>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., дата обращения: 10.12.2020.

Медиалингвистика в терминах и понятиях, 2018 – *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред Л.Р. Дускаевой.* – М.: Флинта, 2018. – 440 с.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2004. – С. 6–158.

Романов, 2008 – *Романов А.А.* Вербо- и психосоматика телесного бытия человека // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. – М.: Ин-т языкознания РАН; Агросфера ТГСХА, 2008. – С. 4–144.

Романов, 2020 – Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: Системный анализ. – М.: Ленанд, 2020. – 264 с.

Романов, Немец, 2006 – Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. – М.: Ин-т языкознания РАН; Агросфера ТГСХА, 2006. – 144 с.

Романов, Романова, 2011 – Романов А.А., Романова Л.А. Мемезис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2011, № 2 (23). – С. 66–71. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романов, Романова, 2020 – Романов А.А., Романова Л.А. Фейк vs факт в информационной борьбе за репутационный капитал // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сб. научн. тр. по материалам Междунар. научн. - практ. конф. 11-13 февраля 2020 г. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С. 441–446.

Романов, Черепанова, 1999 – Романов А.А., Черепанова И.Ю. Суггестивный дискурс в библиотерапии. – М.: Лилия ЛТД, 1999. – 128 с.

Тарасов, Тарасов, 2020 – Тарасов А.Е., Тарасов Е.Ф. Удалённая работа в коронавирусную эпоху: история, проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 4. – С. 238–266. Режим доступа: www.tverlingua.ru

References

Dobrosklonskaya, T.G. (2005) *Questions of studying media texts (experience of researching modern English media speech)*, M., Editorial URSS, 288 p. (in Russian)

Fiehler, R. et al. (2004) *Eigenschaften gesprochener Sprache / Reinhard Fiehler, Birgit Barden, Mechthild Elstermann, Barbara Kraft*, Tübingen, Gunter Narr Verlag, 553 S.

Habermas, J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*, Bd. 1, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 534 S.

Medialinguistics in terms and concepts: reference dictionary (2018) / edited by L.R. Duskaeva. M., Flint, 440 p.

Romanov, A.A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogue communication*, M., Institute of Linguistic RAS of USSR; Kalinin Agricultural Institute, 183 p. (in Russian)

Romanov, A.A. (2004) Psychosemiotics of visual communication in somatographic space // Romanov A.A., Sorokin Yu.A. *Somaticon: Aspects of Non-Verbal Semiotics*, Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Agrosphere, TGSHA, pp. 6–158. (in Russian)

Romanov, A.A. (2008) Verbo- and psychosomatics of human bodily existence // Romanov A.A., Sorokin Yu.A. *Verbo- and psychosomatics: two maps of the human body*, Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Agrosphere, TGSHA, pp. 4–144. (in Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Linguopragmatic model of speech control of the dialogue: system analysis*, M., Lenand, 264 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Nemets, N.G. (2006) *Discourse of Consolation: A Linguistic Psychological Analysis*, Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Agrosphere, TGSHA, 144 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2011) Memesis of performative knowledge about the functioning of natural language practices [Electronic resource] // *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*. No. 2. P. 66–71. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2020) Fake vs fact in the information battle for reputation capital // *Digitalization in the agro-industrial complex: technological resources, new opportunities and challenges of the time*, collection of scientific articles of International scientific conference. February 11-13, 2020 – Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 441–446. (in Russian)

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu. (1999) *Suggestive discourse in bibliotherapy*, М., Lilia LTD, 128 p. (in Russian)

Tarasov A.E., Tarasov E.F. (2020) Distance working in coronaviral era: history, challenges and prospects // [Electronic resource] // *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*. No. 4. P. 238–266. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Vezhbitskaya, A. (2020) Seven important thoughts during the coronavirus pandemic // *Russian Journal of Linguistics*, No. 2 (T. 24), pp. 253–258. (in Russian)

Witgenstein, L. (2020) *Philosophical Studies*. Cambridge, 1945. [Electronic resource]. 2013. Access mode: <http://philosophy.ru/library/witt/phil.html>, free, Title from the screen, Russian, accessed date: 20.12.2020. (in Russian)

Zotov, V.V., Lysenko, V.A. (2020) *Communicative practices as a theoretical construct for studying society* [Electronic resource]. Access mode: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2010/sociology/zotov-lysenko>, free. Title from the screen, Russian, accessed date: 10.12.2020. (in Russian)